

ПОЕДИНОК С СУДЬБОЙ

Т Ь Е Р Р И
К О Э Н

пока ненависть
не разлучила нас

Москва
2017

УДК 821.133.4-31
ББК 84(4Фра)-44
К76

Thierry Cohen
AVANT LA HAINE

© Editions Flammarion, Paris, 2015

Перевод с французского *Екатерины Кожевниковой*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Коэн, Тьерри.

К76 Пока ненависть не разлучила нас : [роман] / Тьерри Коэн ; [пер. с фр. Е. Кожевниковой]. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 576 с. – (Поединок с судьбой. Проза Г. Мюссо и Т. Коэна).

ISBN 978-5-699-92154-6

Рафаэль и Мунир, еврей и мусульманин, росли в семьях марокканских беженцев, и их родители изо всех сил старались стать настоящими французами – ради детей, ради их будущего.

Мальчики были не просто друзьями – братьями. Каждый из них готов был всем пожертвовать ради другого. Казалось, они будут вместе всегда.

Но судьба распорядилась иначе – трудно оставаться братьями в мире, где все враждуют со всеми.

Как остановить ненависть? Остаться людьми? Братьями? Возможно ли это в наше жестокое время?

УДК 821.133.4-31
ББК 84(4Фра)-44

© Кожевникова Е., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-92154-6

*Тем, кто покинул нас
и оставил в наследство память.*

*Моим бабушкам и дедушкам:
Жюли и Симону Коэн,
Аарону и Якоб Коэн*

*Моему тестю
Моисею Хаджаджи*

Пролог

*Эта книга – моя,
Как Марокко – короля,
Если кто ее возьмет,
Того дьявол унесет!*

Мысленно повторяю строчки смешного детского заклинивания, не улавливая в них даже смысла. Наслаждаюсь ароматом давнего, забытого. Глубоко-глубоко вдыхаю, грудь наполняется теплом, боль стихает. А когда выдыхаю, горло снова перехватывает. Прошлое... Оно очнулось. Вспоминать всегда и сладко, и больно, вспоминаешь события, понимаешь, как много утекло времени.

Но почему вдруг эти четыре строчки всплыли из глубины моей памяти в этот миг?

Не понимаю.

Во всяком случае, не сразу.

«Французы – трусы! Отдали собственную страну мусульманам, как в войну нацистам! Прогнулись, пресмыкаются! Стоит показать кулак, и они уже скукожились. Пригрози – будут кланяться. Народ-коллаборационист, я всегда это говорил!»

Дан стоял, покачиваясь на носках, и говорил, рубя ладонью воздух. Потом притих и снова уселся рядом со мной. Через секунду снова вскочил и обрушил новую

филиппику на французов, считая, что обличать можно только стоя, громким театральным голосом, изображая каждым движением неистовый гнев. Может быть, он хотел привлечь внимание сидящих в сторонке пассажиров, мирно дожидавшихся объявления о своем рейсе за чтением утренних газет.

Эта книга – моя...

С чего вдруг эти слова, эти воспоминания?

Я уже не слышал обличений своего друга. Повернув голову, взглянул на жену: в бежевом костюме и темно-коричневых, незнакомых мне туфельках, она сидела растерянная, прижав к груди руки, и смотрела недоумевающим взглядом. Она даже не подкрасилась, и бледность выдавала ее возраст. Но как ни странно, никогда еще она не казалась мне красивее, несмотря на покрасневшие, усталые глаза. Я слышал, как сегодня ночью в ванной она плакала. Я не пошел к ней, не стал утешать. Внутри меня пустота, мне неоткуда взять сочувствие. Или вернее, меня заполонили собственные эмоции.

С тех пор, как мы решились на этот шаг, чужие чувства долетают до меня, ударяются о мою оболочку и отлетают, чтобы рассеяться, понятия не имею где. Душа у меня отяжелела и сжалась в комок, оберегая последние крохи моей энергии. Я медленно меняюсь. Помогаю себе рефлексией. Что мной руководит? Инстинкт выживания? Это он заслоняет меня от сомнений, боли, атак внешнего мира? Он отстраняет чувства, которые могут помешать мне рассмотреть будущее и принять правильное решение?

Но какое решение будет правильным?

Все последние дни я не столько жил, сколько прятался от жизни, и вот теперь сижу в аэропорту, собираясь лететь в неизвестность. Мной владеет странное непри-

ятное ощущение, будто я наблюдаю за происходящим со стороны, будто кто-то другой принял решение о моем отъезде, собрал вещи, привез в аэропорт.

Как Марокко – короля...

И вот тут-то я внезапно и вспомнил, как дедушка с бабушкой сидели рядом на пристани. Бабушка плакала. К пристани подплывал пароход.

«Ты сам видишь, Рафаэль, что ты кругом прав. Что нам делать в стране, где позволяют нападать на евреев, где боятся пальцем пошевелить, опасаясь, как бы не растревожить предместья и не «травмировать», как они говорят, мусульман!»

Я столько раз слышал слова Дана, что могу закончить вместо него каждую его фразу. Я ограничиваюсь кивками, а сам поглядываю на сыновей. Они сидят напротив и выглядят на удивление спокойными. Дети часто хранят спокойствие, когда взрослые переживают трагедии, — насыщенный грозой воздух сковывает их, лишает подвижности, наделяет торжественностью, в которой они застывают.

Аарон делает вид, что занят своим смартфоном. Но я знаю: он ловит каждое слово из громких филиппик Дана. Аарон доискивается до смысла тех перемен, что происходят с нами в последнее время, он хочет понять, почему мы оказались здесь, в этом зале ожидания. На лбу у него морщинка тревоги.

«Они проиграли! Сдались, признали свою слабость! Знаешь, когда я это понял? Во время матча между Францией и Алжиром, когда алжирцы освистали «Марсельезу», а французы закрыли на это глаза. У них поджилки затряслись от страха, и они проглотили то, что прощать нельзя. Газеты писали о «вполне понятном проявлении радости». А на самом деле — о чем они написали?»

О том, что страна распrostилась с собственной честью. Там, где люди не сумели защитить гимн, не будут защищать и страну! А уж евреев тем более!» — Рука Дана вновь рассекла воздух, и он издал саркастический смехок. Он не ждал моего мнения, он искал в своей полной обид памяти еще подтверждений, еще фактов.

Помню, меня тогда тоже больно задело попустительство властей. Я даже удивился своему яростному возмущению. Но я же чувствовал тогда себя французом. Любил свою страну. Любил свой гимн.

Если кто ее возьмет...

Дедушка с бабушкой послали мне знак. Улыбались мне, хоть и невесело. Теперь я понял, что они хотят мне сказать. Вот они встали со скамейки и затерялись в толпе, поднимающейся по сходам. Как бы мне хотелось их догнать и обнять крепко-крепко. Да, сегодня я очень нуждался в чувстве уверенности.

Я знал, что Дан вовсе не испытывает той ненависти, которую так картинно выплескивает. Он исполняет ритуал, прогоняет страх, давая каждой опасности имя. Так поступают все, кто смотрит в будущее и видит там грозные тени, те же самые, что преследуют их и в ночных кошмарах.

Дан старается успокоить меня, убедить, что я сделал правильный выбор. И кто станет спорить? Все, что он говорит, оправдывает необходимость сидеть всей семьей в зале ожидания, ощупывая билеты во внутреннем кармане пиджака, оправдывает покрасневшие глаза Гислен, шрам на лбу Аарона. В конце концов, его слова пробились к моему сердцу, и оно сжалось, стеснилось. Разум подчинился велению обстоятельств, но сердце... Оно застыло неприступным бастионом с надписью «Франция».

«Франция», слово-чемодан, с ним мне и придется скитаться по свету, бережно спрятав туда воспомина-

ния, надежды, иллюзии. В слове «Франция» — вся моя история. Мне понадобится немало времени — годы, я думаю, — прежде чем я открою этот чемодан там, где ждет меня новая жизнь. И что это будет за жизнь — без привычных слов, без имен и лиц, с которыми я сейчас расстаюсь? Без моих друзей детства? Без девушек, с которыми был знаком когда-то? Без моей бедности? А потом годов успеха? Моей женитьбы? Рождения детей? Без любимых долин, деревьев и рек, которые с жадностью влюбленного я мысленно сфотографировал?

Моя боль сродни струйке лавы. В один прекрасный день она пробьется наружу, возможно, уже остуженная подземными водами. Возможно, уже застывшая навек.

Но сейчас я не позволяю себе грустить. Я смиренно пригнул голову, стремясь пробиться вперед.

Хочу видеть один только шаг, на который продвинусь. Хочу, чтобы у моих детей было более надежное будущее.

Я ищу слова, которые помогли бы мне определиться.

Я еврей и сижу в аэропорту.

Я отец ребенка, ставшего жертвой антисемитской агрессии, которая навсегда оставит свой след у него на лице и в душе.

Я наследник вечно изгоняемых предков.

Я мужчина, но у меня так больно перехватило горло, что мне придется пойти в самолете в туалет и поплакать.

Объявляют посадку на рейс в Тель-Авив. Мы поднимаемся. Дан нас целует.

«Вот увидишь, там все будет хорошо. Это же наша страна. Скоро и я приеду».

Я стою и улыбаюсь своему другу. Главного он не знает: с моей страной я прощаюсь сейчас навсегда.

Того дьявол унесет...

Дедушка с бабушкой растворились в толпе. Я остался один. Теперь мой черед. Уезжаю.

Мунир

Весь вечер я следил за противоположной стороной улицы. Стоял за занавеской и надеялся, что ничего особенного не увижу. Что отъезд всего только слух, не больше. Что тоскливая тяжесть, давящая сердце, рассосется. Неприятное, надо сказать, чувство. Порой мне до жути хотелось сказать времени «стоп» и разобраться в его подспудных течениях, которые не дают мне покоя. И вообще все остановить! Понять, почему все так получилось. Почему я прячусь за занавеской и слежу за домом Рафаэля? Почему мне хочется взвыть и комок подступает к горлу? Почему араб готов разреветься из-за отъезда еврея-сиониста?¹ Не реви, Мунир! Из-за чего реветь? Из-за того, что он был твоим другом? Глупости! Время показало, что ты ошибся. Давай, Мунир, перетряхни сундучок с воспоминаниями молодости. Выкини школу, стычки, первых девушек, первые демонстрации... Вспомни, что вас разделило, и торжествуй победу!

Часов около семи глухой шум привлек мое внимание. Я осторожно раздвинул шторы и увидел их всех. Ребятишки садились в такси, а тот, кто был моим другом, стоял неподвижно, пока шофер носил тяжелые чемоданы и укладывал их в багажник. Мне показалось, что Рафаэль почувствовал, что я рядом, он посмотрел в мою сторону, а я отступил от окна, спрятался в сумраке комнаты. Впрочем, нет, он уже заторопился и тоже сел в такси. Вот показалась его жена, худенькая, едва идет. Вышла из подъезда и обернулась на дом, подняла голову к окнам, где они жили. Она была сейчас одна-одинешенька на этой улице. Наедине со своей болью. Она за

---

¹ Сионизм — политическое движение, цель которого — возрождение еврейского народа на его исторической родине, в Израиле. *прим. перев.*

жала рот рукой, чтобы не разрыдаться. И я тоже. Я тоже зажал рот рукой, чтобы не разрыдаться и не разбудить жену.

Нет, в истории нашей дружбы ничего не говорилось о бегстве.

«Скатертью дорога!» — гаркнул один идиот в кафе, подняв рюмку, когда распространился слух об отъезде Рафаэля. Другие у стойки с воодушевлением подхватили: «Одним меньше!» Вот так отнеслись к его отъезду. Поспешный отъезд Рафаэля показался обитателям квартала слишком крутой мерой по сравнению с нападением на мальчишку. Толковали о неоправданности такого решения. Подумаешь, ударили, обидели, оскорбили! Смеялись над трусостью Рафаэля. Уехать значило сбежать. Вот тут-то я и стукнул кулаком по столу: «А ну, замолчите!» На меня посмотрели с опаской и вопросительно. В расслабляющей жаре летнего вечера не стучат кулаками.

«О какой трусости вы говорите? Уж вам-то лучше всех известно, какого мужества требует отъезд! Вы что, забыли, как плакали наши матери в день, когда мы уезжали? Как сурово стискивали зубы отцы? А как были растеряны мы сами среди плача и жалоб родни? Вспомните, как нам было страшно, когда за спиной остался берег Марокко, Алжира или Туниса и мы видели перед собой одно необозримое море. И все-таки мы уезжали, и, возможно, даже без таких драматических причин. Уезжать, потому что чувствуешь угрозу, потому что посягнули на твою плоть и кровь, совсем не трусость. Трусы мы! Если бы мы боролись с тем дерьмом, которым набивают головы наших мальчишек «просветленные», мы бы не оказались там, где сейчас! Вы все понимаете, о чем я говорю! Если бы я мог остановить время и найти настоящие слова. Если бы каждый из нас не впустил в себя ненависть, которая развела нас так далеко!»

Я поднял стул и ударил им об пол — жест бессмысленный, театральный. И ушел.

Мы с Рафаэлем назвали наши отношения «дружбой», и до поры до времени ничего этому не противоречило. Похоже, мы с ним не ошибались. Похоже, так оно и было: мы дружили. Но приблизительность всегда коварна. Она ненадежна и неустойчива, она искажает реальность.

И что теперь делать? Попытаться догнать Рафаэля? Поговорить с ним? Вернуть?

Слишком поздно. Он наверняка уже сидит в самолете.

А что я хотел бы сказать ему? Что тоскую о тех временах, когда мы были мальчишками и когда подружился — два маленьких чужака во Франции? Временах, когда мы еще не стали иудеем и мусульманином? Что мы могли бы опять стать близки, вспомнив дружбу, с которой выросли?

Почему мне хочется сказать это? Почему хочется снова дружить с Рафаэлем? Да, Мунир, перестань стесняться и признай, что ты никогда не терял надежды вернуть вашу дружбу. Ты никогда не испытывал ненависти к Рафаэлю, ты ненавидел трещину в ваших отношениях, которая вас развела. Ты обижался, что он не направил всю силу дружбы на желание понять тебя. Ты не уставал надеяться, что он придет к тебе, сядет рядом и скажет: «Давай, брат, разберемся. Объясни мне спокойно, что происходит. Говори со мной, как с другом. Я не могу согласиться с тем, что вижу, но хорошо тебя знаю и уверен, ты не хочешь плохого».

А сам я когда-нибудь попытался с ним так поговорить? Нет. Такое желание вспыхивало во мне после приступа гнева, но я ни разу не последовал ему. А что, если сейчас пришло время для такого разговора? Да, именно сегодня, сейчас, когда друг уехал и мне осталась болезненная неразбериха. Вот теперь и стоит взглянуть в прошлое, перебрать день за днем, снова пережить каждый. Надо вспомнить пережитое, случаи и события,

которые сделали нас такими, какие мы есть. Давай взвесим наши чувства, сложим, подытожим, уравновесим коэффициентом рассудка. Давай совершим путешествие в прошлое и попытаемся понять, когда случилась эта беда. Что сделало нас другими, не такими, какими мы были в детстве и какими надеялись стать?

Попытаемся понять, когда и как зародилась ненависть.

Рафаэль

С билетами в руках мы медленно приближались к стюардессе. Шаг, и еще, и еще. Мы шли гуськом. Продвигались еле-еле. Где-то глубоко внутри нас гнезвился страх. И моя судьба предстала передо мной в образе печального клоуна. Он растянул губы в улыбке, протянул мне руки. В правой руке у него колода карт, в левой — мое удостоверение личности. Вот он вложил карточку в колоду, ловко перетасовал и показал мне. Фокус-покус, нет никакого удостоверения. Клоун-маг пожал плечами и сделал огорченную гримасу: проиграл! Ничего не поделаешь!

Я что, брежу? Нет, превращаю чувства в картинки, растравливаю боль. Мне нужно страдание, я хочу все-речь почувствовать, чем плачу за свой отъезд, хочу заплатить наличными.

Сколько было споров, ожесточенных дискуссий, идей, обязательств, надежд... И все впустую? Да, все впустую. Часть моей жизни лишилась смысла. Знакомство с Францией, студенческие выступления, борьба против крайних правых, победа Миттерана, борьба с расизмом. Выбросить все. Уехать налегке.

Выделить, переместить в корзину. Освободить корзину.

Папка Мунир Басри: выделить, переместить в корзину, потом очистить ее.